

МНЕНИЕ НАРОДА ИТАЛИИ

На днях Вашингтон с визитом важности и дружбы посетили итальянский премьер-министр Шелба и министр иностранных дел Мартини.

Судя по комментариям иностранной печати, посланцев встречи милостиво и радушно. Правители Вашингтона выразили удовлетворение активной деятельностью Шелбы по протекции парижских соглашений через итальянский парламент. Министру иностранных дел Мартини тоже было чем похвалиться — всем памятна его поездка, с которой он поддержал на парижской сессии Северо-Атлантического союза предложение США о применении атомного и водородного оружия в войне.

Итак, в Вашингтоне довольны. Американское агентство Юнайтед Пресс многозначительно сообщило, что теперь перспективы предоставления Италии нового американского займа стали «многообещающими». Но что думают в Италии о политике премьера и министра иностранных дел? Как относятся простые итальянцы к «атлантической политике» правящих кругов?

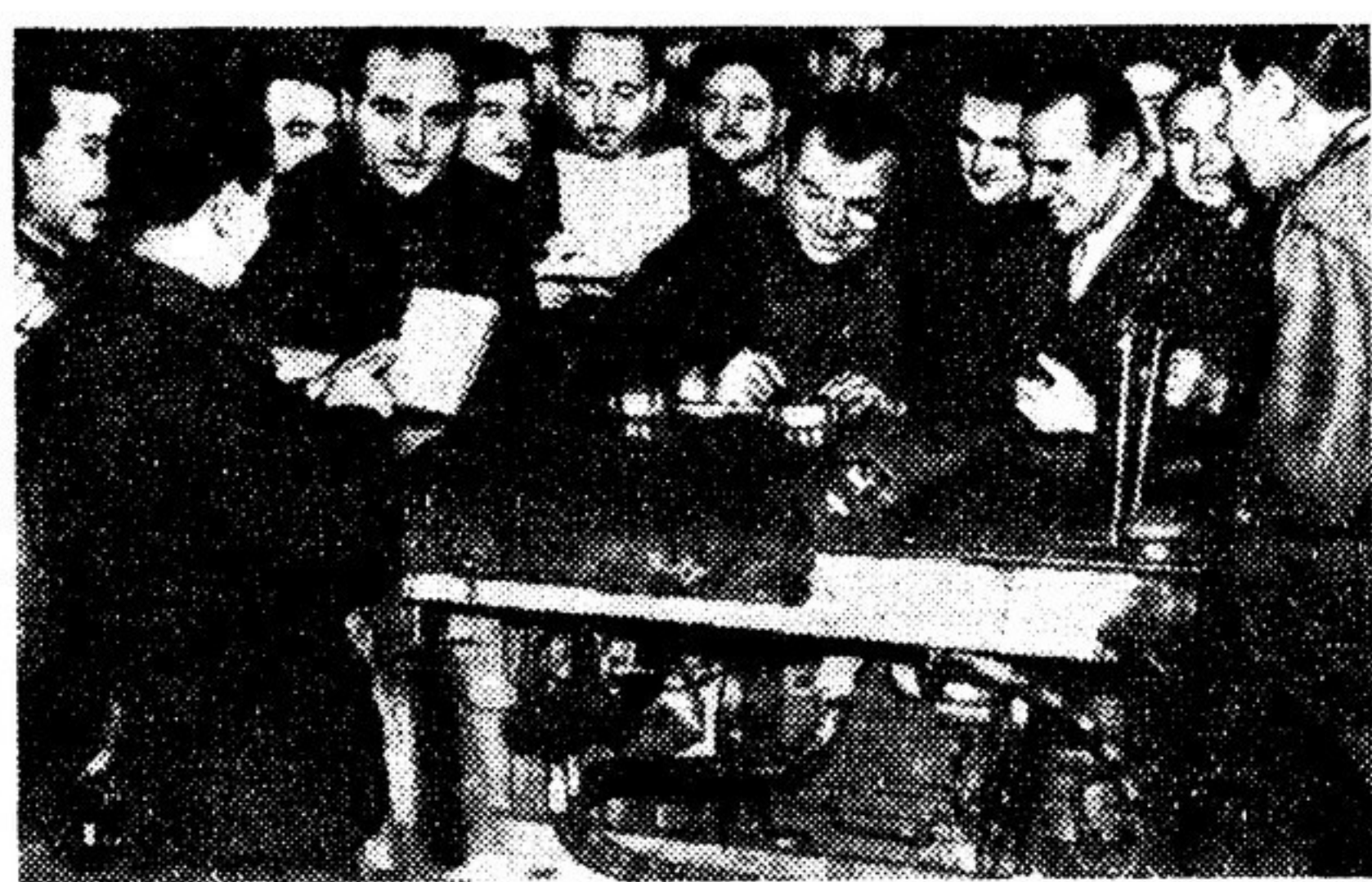
Обратимся к фактам. На сессии Совета НАТО в Париже Мартини высказался за применение во время войны атомных и водородных бомб. Как бы в ответ на это заявление, около 5750 тысяч итальянцев поставили свои подписи под требованием об уничтожении и запрещении атомного и водородного оружия. В ряде населенных пунктов под этим документом подписались все взрослые население.

В многочисленных митингах в защиту мира, происходящих сейчас по всей Италии, принимают участие люди различного общественного положения, члены многих партий — от коммунистической до национально-монархической.

В городе Беневенто среди тех, кто пожелал поставить свою подпись под Обращением Всемирного Совета Мира, оказался владелец местного предприятия Никола Руссо. Под этим документом подписались также владелец текстильной фабрики «Гуиди» из города Новара, члены семей некоторых крупных землевладельцев из Сан-Бенедетто и другие представители состоятельных кругов населения. Часто призывая к поддержке Обращения, встречая поддержку у людей, живящих по тем или иным причинам отключившихся от общественной жизни, под Стагальским Возвращением.

Об истинном отношении итальянского населения к парижским соглашениям следует судить не по формальному решению проамериканского большинства парламента, а по той могучей волне народного протеста против вооружения и фашизации Западной Германии, которая прокатилась по городам и селам Италии. Борьба итальянских патриотов против парижских договоров принимает самые разнообразные формы. Так, многие жители промышленного центра Сесто-Сан-Джованни собрались в знак протеста против возрождения немецкого фашизма на одной из площадей города, чтобы принять участие в церемонии сожжения огромных знаков свастик. Бригады сторонников мира Милана распространили среди посетителей пятидесяти кинотеатров листовки против вооружения Западной Германии. В Турине борцы за мир устроили во многих домах просмотры кинофильмов, рассказывающих о зверствах нацистов во время войны.

Широкий размах, который сейчас приняло движение за мир, свидетельствует о твердой решимости простых людей Италии преградить дорогу войне.



Италия. Рабочие и служащие миланского предприятия «Мотекканка» подписывают венское Обращение Всемирного Совета Мира.

Снимок из итальянского журнала «Лавор»

АТО, или оборона Африки...от африканцев

Однажды по улицам Медины, арабской части города Туниса, проходила похоронная процессия. Во главе шествия несколько человек несли черный гроб, а за гробом следовала, распевая похоронный гимн, большая толпа молодых людей в траурных одеяниях.

Прохожие реагировали на эту печальную церемонию, казалось, совершенно непохожим образом. На всем пути похоронного кортежа с обеих сторон раздавался безудержный хохот. Многие, забыв о своих делах и заботах, присоединялись к процессии.

На черном гробе, сделанном из картона, большими буквами было написано: «Богиня-названный режим». Похоронный гимн был посвящен французскому генеральному резиденту, олицетворяющему в глазах тунисского народа деспотическое господство французских колонизаторов. Тунисская молодежь хоронила колониальный режим, существовавший в этой стране более семидесяти лет.

Это была только шутка, но достаточно выразительная, чтобы вывести из равновесия колониальные власти. Ввод полицейских хабра атаковал «похоронную процессию» и с помощью дубинок рассеял ее по переулкам.

Империализм становится все труднее хозяйничать не только в Тунисе, но и на большинстве других территорий Африки. Они стремятся любой ценой сохранить за собой гигантский заповедник капиталистических монополий — африканский материк.

Выступая недавно в сенате, министр обороны Южно-Африканского Союза Эрasmus оповестил, что в Лондоне изучается в настоящее время проект создания «оборонительной организации» для Африки. Западная печать уже окрестила ее именем АТО (Африкан Трипти Организация — Организация африканского договора), что указывает на ее близкое родство с НАТО и СЕАТО.

В военный плацдарм против лагеря мира, демократии и социализма.

Создание военной группировки типа АТО было на протяжении ряда лет навязчивой идеей отъявленного расиста Даниэля Малане, ушедшего недавно в отставку премьер-министра Южно-Африканского Союза. Малане не скрывал своего страха перед растущим национально-освободительным движением в Африке и добивался, чтобы между всеми колониальными державами, имеющими владения на этом материке, был заключен агрессивный пакт.

Таким образом, колонизаторы собираются «оборонять» Африку... от самих африканцев, не желающих больше жить по старому, в жестокой кабале у империализма.

Однако в стане колонизаторов нет единения. Между ними ведется острая борьба, отражающая соперничество империалистических держав из-за богатств Африки. Как и в других, уже созданных агрессивных группировках, на руководящую роль в «обороне» Африки претендует Вашингтон. США уже успели опутать густой сетью своих военно-воздушных и военно-морских баз все африканское побережье Средиземного моря. Только во Французском Марокко Соединенные Штаты построили пять крупных аэродромов, приспособленных для приема атомных бомбардировщиков. В изданном Пелльским институтом «Стратегическом журнале» и его роль в американской внешней политике прямо указывается, что военные интересы США требуют «консолидировать всю Северную Африку».

Но дело не ограничилось Северной Африкой. Американские военные базы появились и на восточном африканском побережье (в Египте), и на западном (в Либерии, во Французской Западной Африке), и в центральной части материка (в Бельгийском Конго). Американские военные базы служат не только целям подготовки новой войны. Военные базы — излюбленный Вашингтонский вариант старой тактики «тройного когтя».

Существование военной базы США на территории чуждой колонии создает для американских монополий созидающую «позицию силы», которая значительно облегчает им экономическую экспансию. Американские капиталовложения в Африке по сравнению с довоенным периодом выросли почти в четыре раза. Американские империалисты уже изрядно потеснили своих английских, французских, бельгийских «союзников» в их же собственных владениях. Особенно сильные позиции американские монополии захватили в экономике Бельгийского Конго, Южно-Африканского Союза, Северной Родезии, Марокко. Сейчас в некоторых африканских колониях создается паразитическая обстановка: администрация в африканской власти сохраняется за старой колониальной державой, а экономика мало-помалу переходит под контроль США.

Активность янки особенно пугает магнатов Сити, издавна привыкших рассматривать чуть ли не всю Африку как свою вотчину. Страх этот усугубляется растущей «амансацией» Южно-Африканского Союза от метрополии и его явной ориентацией на более богатого американского дядюшку.

Как бы ни обернулась англо-американская борьба за руководящее положение в новой «оборонительной» организации, еще не выдвинувшейся из янки, цели ее инициаторов вполне определены: под предлогом «обороны» империализм стремится приостановить великий исторический процесс освобождения угнетенных народов от оков колониализма.

По разное можно повернуть вспять стремительные горные потоки? Разве можно отменить или хотя бы задержать наступление весны?

Африканский материк, еще вчера казавшийся глухим захолустьем даже среди колониальных территорий, меняется на глазах. Он перестал быть только объектом империалистического грабежа. За последние десятилетия на всех африканских территориях были созданы массовые организации, активно участвующие в борьбе за национальное освобождение. «Бессмысленно отрицать, — с горечью признал бывший английский министр колоний Оливер Литтлтон, — что вся Африка сейчас бурлит и кипит».

Духотворительное население черного континента пробуждается к самостоятельной политической жизни.

С. ДАТЛИН

Вам и КОЖЕВНИКОВ

НАШИ ДРУЗЬЯ В ИНДИИ

Мы были гостями

Индия — советского

культурного общества.

Когда конференция

общества, проходившая в Дели,

завершила свою работу,

хозяева в аспирин нас:

— Что бы вы больше всего хотели,

С полным единодушием мы ответили:

— Посмотреть страну.

Свершив стремительное перемещение из

Москвы по воздуху через Стокгольм, Копенгаген, Франкфурт, Женеву, Рим, Аббаду, Барачи — в Дели, мы потеряли всякое уважение

к пространству и без колебаний согласились на предложенный маршрут, охватывавший почти все главные города Индии.

Конечно, мы пожаловались и просчитались. Генимие сроками, мы вынуждены были отказаться от многого из того, что нам хотелось повидать, обстоятельно изучить и понять.

Кроме того, мы не учли противоположности наших интересов и интересов тех людей, с которыми мы встречались в Индии.

Мы хотели как можно больше узнать о жизни индийского народа, а все, с кем мы встречались, хотели как можно больше узнать о жизни советского народа.

Был декабрь, а в Дели стояла солнечная жара. Ложась спать, нужно было открывать окна и включать электрический вентилятор с большими деревянными лопастями.

В первые же дни пребывания в столице Индии мне довелось повидать знаменитых дессертировщиков коб и возвращающихся с работы грязных слонов, бредущих усталой поступью по окраинным улицам — главные улицы для них закрыты. Я видел кельежные шестисти: бастующих банковских служащих и шестисти тюремных служащих, объявивших в те дни забастовку. Я видел замечательный минарет Кутб-Минар, состоящий как бы из пучка колонн, дворца Красного форта — одного из памятников эпохи Великих Моголов, — на крепостных стенах которого сохранились следы пуля и снарядов с тех времен, когда англичане расстреливали здесь индийских повстанцев. Я посетил место кремации Махатмы Ганди.

В старом городе, в районе Чанди Чока, я оказался свидетелем того, как гневная толпа вырвала из рук американского туриста фотоаппарат, возмущенная тем, что американец фотографировал сидящую на земле изможденную женщину с костлявым младенцем на руках. Люди кричали:

— Вам, дьявол! Хотите показывать Индию такой! Но она другая! — И какой-то человек, высокий, мускулистый, яростно кричал иностранцу: «Ты меня сними и покажи дома!».

«Фотографируй только мои кулаки, слышишь, только мои кулаки!».

Должен признаться, что, когда я в одиночестве бродил по улицам, особенно в районах старого города, я неоднократно испытывал на себе такое не почитательное отношение прохожих. Даже когда я, согласно здешним правилам, шел, держа левой стороны, какой-нибудь человек вдруг переходил с правой стороны на левую и шагал мне навстречу, пристально и презрительно глядя в глаза, словно ища ссоры.

Но потом, воспользовавшись благоприятным советом, я стал носить на ладанке поджаха значок Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. И он оказался чудотворным, этот маленький красный значок. Меня уже никто не пытался задеть, обидеть, и мне говорили: «Красная», «оборачиваясь, я видел ласковые улыбки».

Что же служит источником уважения простого народа Индии к нам, советским людям?

Во многих городах Индии тысячи людей приходили на митинги, организованные Индо-советским культурным обществом. Народные поэты-импровизаторы пели на этих митингах песни, посвященные Советской стране. Светомет мира называли они ее. Соплием, дарующим свои лучи дружбы всем народам мира. Они называли ее советской мира, его светлой надеждой.

Это было в Бангпуре на огромной площади, тесно заполненной людьми, при свете бензиновых факелов; под яростными лучами солнца на Сахаранпуре; в священных

городах Индии Харидваре и Бенаресе, на берегах священного для индусов Ганга.

В Харидваре, в древнем здании, примыкающем к храму, собралось больше тысячи людей, чтобы выслушать рассказ советского человека о его стране. Меня посадили на возвышение, и я рассказал о том, как в единой братской семье живут народы всех национальностей Советского Союза. Когда я кончил говорить, встал старейший из присутствовавших на этом собрании и сказал:

— Из всех вер, которые существуют на земле, самая справедливая та, которая учит любви к человеку, любви одного народа к другому. Пусть будет благословенна эта справедливость, воплотившаяся на советском земле.

В Бангпуре я познакомился с поэтом-работником Аннахау Сатхе, автором баллады о Сталинградской битве, написанной им в 1943 году.

Сатхе играет на гармонике в бродячей труппе народного театра. Таких трупп народного театра существует в Индии десятки тысяч. Актеры их переходят из деревни в деревню, собирая на свои спектакли

погоду. Я видел картины советских художников. И хотя я не нахожу во многих из них каких-либо поразительных приемов живописи, они поразили меня ощущением богатства природы, ставшей достоянием человека, и эта гармония переполняла восторгом мое сердце. Я бы хотел, чтобы будущие молодые художники Индии создали картины, приспосаблившиеся к такой гармонии.

Я хранил у себя, как реликвию, подаренную старинной монету, подаренную мне рабочим Калькутты, который, передавая ее, сказал: — Отдайте эту монету тому, кто придет к вам в родные края, чтобы вы могли сказать ему, что я верю, что мой сын или внук встретится когда-нибудь с его сыном или внуком и они сломают разрушенную монету.

Я хранил у себя стихи индийских поэтов из народа, обращенных к советским людям. Вот строфы, написанные поэтом из Сахаранпура:

— Вы приходите с посланием дружбы, вы привезли дыхание новой весны. Существует сила, которая хочет разрушить мир. Сотни слов уже погибли. Дружба народов заставит развестись сны. Люди объединились. Звезды плещут нам счастье. Родается новая эра.

А вот эта проза — запись речи министра юстиции штата Уттар-Прадеш, Ади Захира, обращенной к советской делегации:

— Мы всегда хотели приветствовать вас в качестве свободного народа. С того дня, как мы добились независимости, мы решили бороться за мир. И несмотря на идеологические разногласия, в этом вопросе мы с вами едины. По вопросам мирного сосуществования и мира мы с вами вместе.

В Бангпуре группа рабочих кожевенной фабрики пригласила меня посетить небольшой парк, расположенный в рабочем районе. В этом парке не было ничего примечательного. Я побродил по его дорожкам, обсаженным невысокими кустарниками, и когда уже шел к выходу, один из рабочих отломил ветку от кустарника и протянул ее мне. Я решил, что кустарник обладает каким-нибудь особенным ароматом и, поднеся к лицу, понюхал. Но она ничем не пахла, эта зеленая ветвь, теплая от горячего солнца. Тогда рабочий прикоснулся губами к зеленой ветви и сказал возмущенно:

— Этот парк мы назвали именем Ленина. Когда-нибудь здесь будут расти самые красивые деревья, собранные со всей Индии.

Эта ветвь кустарника, взращенного руками рабочих города Бангпуре в парке имени Ленина, простая, скромная, с золотистой каплей смолы на месте излома стебля, стала для нас драгоценным даром любви одного народа к другому народу.

Мы пришли в Дера-Дун, небольшой городок, расположенный в предгорьях Гималаев. В предместьях этого города находится знаменитый Индийский лесной институт. Его зеленые насаждения занимают площадь в четыреста гектаров. Это один из крупнейших лесных институтов мира.

С достопримечательностями Дера-Дуна нас знакомили активист Индо-Советского культурного общества, правительственный чиновник, господин Делин Сингх, седовласый почтенный старик, коренастый, широкоплечий, с головой, обернутой в розовую чалму, удивительно подвижной для своих восьмидесяти лет.

Но самое поразительное для нас было то, что господин Делин Сингх говорил по-русски.

В 1905 году он поехал в Россию черным перцем, индиго, шкурами, шерстью, сухими фруктами и бисаками. Восемь лет торговал он там.

Медленно, упорно, настойчиво, вспоминая забытые слова, Делин Сингх говорил: — Торговать надо. Дружить надо. Я в Россию на верблюдах ходил. Далекий путь. Хорошо торговал. — Потом, пожелав, он произнес задушевно и задумчиво. — Закрыл глаза, народ наш вижу, брат-народ.

И когда мы ночью возвращались из Дера-Дуна в Дели, я смотрел сквозь открытые двери вагона, на покрытые тьмой, узорно резные купы лиловых тропических деревьев, сквозь которые полблескивали черными зернами рисовые поля, и думал о том, из каких бесчисленных и разнообразных источников рождается эта великая чистая река любви индийского народа к нашему народу и как сладко ощущать эту любовь, быть верным ей, служить ей и делать все, чтобы она была бесмертной.

Потом, возвращнувшись от картины, он произнес с возмущением:

— Я хотел, — сказал Ади Бос, — в этой картине показать сказочное богатство нашей земли и усажающее горе народа, находившееся под гнетом английских колонизаторов. Я хотел также сказать, что народ бесмертен и он рождает героев.

Потом, возвращнувшись от картины, он произнес с возмущением:

— Я хотел, — сказал Ади Бос, — в этой картине показать сказочное богатство нашей земли и усажающее горе народа, находившееся под гнетом английских колонизаторов. Я хотел также сказать, что народ бесмертен и он рождает героев.

Потом, возвращнувшись от картины, он произнес с возмущением:

— Я хотел, — сказал Ади Бос, — в этой картине показать сказочное богатство нашей земли и усажающее горе народа, находившееся под гнетом английских колонизаторов. Я хотел также сказать, что народ бесмертен и он рождает героев.

Потом, возвращнувшись от картины, он произнес с возмущением:

— Я хотел, — сказал Ади Бос, — в этой картине показать сказочное богатство нашей земли и усажающее горе народа, находившееся под гнетом английских колонизаторов. Я хотел также сказать, что народ бесмертен и он рождает героев.

Потом, возвращнувшись от картины, он произнес с возмущением:

— Я хотел, — сказал Ади Бос, — в этой картине показать сказочное богатство нашей земли и усажающее горе народа, находившееся под гнетом английских колонизаторов. Я хотел также сказать, что народ бесмертен и он рождает героев.

Потом, возвращнувшись от картины, он произнес с возмущением:

— Я хотел, — сказал Ади Бос, — в этой картине показать сказочное богатство нашей земли и усажающее горе народа, находившееся под гнетом английских колонизаторов. Я хотел также сказать, что народ бесмертен и он рождает героев.

Потом, возвращнувшись от картины, он произнес с возмущением:

— Я хотел, — сказал Ади Бос, — в этой картине показать сказочное богатство нашей земли и усажающее горе народа, находившееся под гнетом английских колонизаторов. Я хотел также сказать, что народ бесмертен и он рождает героев.

Потом, возвращнувшись от картины, он произнес с возмущением:

— Я хотел, — сказал Ади Бос, — в этой картине показать сказочное богатство нашей земли и усажающее горе народа, находившееся под гнетом английских колонизаторов. Я хотел также сказать, что народ бесмертен и он рождает героев.

Потом, возвращнувшись от картины, он произнес с возмущением:

— Я хотел, — сказал Ади Бос, — в этой картине показать сказочное богатство нашей земли и усажающее горе народа, находившееся под гнетом английских колонизаторов. Я хотел также сказать, что народ бесмертен и он рождает героев.

Потом, возвращнувшись от картины, он произнес с возмущением:

— Я хотел, — сказал Ади Бос, — в этой картине показать сказочное богатство нашей земли и усажающее горе народа, находившееся под гнетом английских колонизаторов. Я хотел также сказать, что народ бесмертен и он рождает героев.

Потом, возвращнувшись от картины, он произнес с возмущением:

— Я хотел, — сказал Ади Бос, — в этой картине показать сказочное богатство нашей земли и усажающее горе народа, находившееся под гнетом английских колонизаторов. Я хотел также сказать, что народ бесмертен и он рождает героев.

Потом, возвращнувшись от картины, он произнес с возмущением:

— Я хотел, — сказал Ади Бос, — в этой картине показать сказочное богатство нашей земли и усажающее горе народа, находившееся под гнетом английских колонизаторов. Я хотел также сказать, что народ бесмертен и он рождает героев.

Потом, возвращнувшись от картины, он произнес с возмущением:

— Я хотел, — сказал Ади Бос, — в этой картине показать сказочное богатство нашей земли и усажающее горе народа, находившееся под гнетом английских колонизаторов. Я хотел также сказать, что народ бесмертен и он рождает героев.

Потом, возвращнувшись от картины, он произнес с возмущением:

— Я хотел, — сказал Ади Бос, — в этой картине показать сказочное богатство нашей земли и усажающее горе народа, находившееся под гнетом английских колонизаторов. Я хотел также сказать, что народ бесмертен и он рождает героев.

Потом, возвращнувшись от картины, он произнес с возмущением:

— Я хотел, — сказал Ади Бос, — в этой картине показать сказочное богатство нашей земли и усажающее горе народа, находившееся под гнетом английских колонизаторов. Я хотел также сказать, что народ бесмертен и он рождает героев.

Потом, возвращнувшись от картины, он произнес с возмущением:

— Я хотел, — сказал Ади Бос, — в этой картине показать сказочное богатство нашей земли и усажающее горе народа, находившееся под гнетом английских колонизаторов. Я хотел также сказать, что народ бесмертен и он рождает героев.

Потом, возвращнувшись от картины, он произнес с возмущением:

— Я хотел, — сказал Ади Бос, — в этой картине показать сказочное богатство нашей земли и усажающее горе народа, находившееся под гнетом английских колонизаторов. Я хотел также сказать, что народ бесмертен и он рождает героев.

Потом, возвращнувшись от картины, он произнес с возмущением:

— Я хотел, — сказал Ади Бос, — в этой картине показать сказочное богатство нашей земли и усажающее горе народа, находившееся под гнетом английских колонизаторов. Я хотел также сказать, что народ бесмертен и он рождает героев.

Потом, возвращнувшись от картины, он произнес с возмущением:

— Я хотел, — сказал Ади Бос, — в этой картине показать сказочное богатство нашей земли и усажающее горе народа, находившееся под гнетом английских колонизаторов. Я хотел также сказать, что народ бесмертен и он рождает героев.

Потом, возвращнувшись от картины, он произнес с возмущением:

— Я хотел, — сказал Ади Бос, — в этой картине показать сказочное богатство нашей земли и усажающее горе народа, находившееся под гнетом английских колонизаторов. Я хотел также сказать, что народ бесмертен и он рождает героев.

Потом, возвращнувшись от картины, он произнес с возмущением:

— Я хотел, — сказал Ади Бос, — в этой картине показать сказочное богатство нашей земли и усажающее горе народа, находившееся под гнетом английских колонизаторов. Я хотел также сказать, что народ бесмертен и он рождает героев.

Потом, возвращнувшись от картины, он произнес с возмущением:

— Я хотел, — сказал Ади Бос, — в этой картине показать сказочное богатство нашей земли и усажающее горе народа, находившееся под гнетом английских колонизаторов. Я хотел также сказать, что народ бесмертен и он рождает героев.

Потом, возвращнувшись от картины, он произнес с возмущением:

— Я хотел, — сказал Ади Бос, — в этой картине показать сказочное богатство нашей земли и усажающее горе народа, находившееся под гнетом английских колонизаторов. Я хотел также сказать, что народ бесмертен и он рождает героев.

Потом, возвращнувшись от картины, он произнес с возмущением:

— Я хотел, — сказал Ади Бос, — в этой картине показать сказочное богатство нашей земли и усажающее горе народа, находившееся под гнетом английских колонизаторов. Я хотел также сказать, что народ бесмертен и он рождает героев.

Потом, возвращнувшись от картины, он произнес с возмущением:

— Я хотел, — сказал Ади Бос, — в этой картине показать сказочное богатство нашей земли и усажающее горе народа, находившееся под гнетом английских колонизаторов. Я хотел также сказать, что народ бесмертен и он рождает героев.

Потом, возвращнувшись от картины, он произнес с возмущением:

— Я хотел, — сказал Ади Бос, — в этой картине показать сказочное богатство нашей земли и усажающее горе народа, находившееся под гнетом английских колонизаторов. Я хотел также сказать, что народ бесмертен и он рождает героев.

Потом, возвращнувшись от картины, он произнес с возмущением:

— Я хотел, — сказал Ади Бос, — в этой картине показать сказочное богатство нашей земли и усажающее горе народа, находившееся под гнетом английских колонизаторов. Я хотел также сказать, что народ бесмертен и он рождает героев.

Потом, возвращнувшись от картины, он произнес с возмущением:

— Я хотел, — сказал Ади Бос, — в этой картине показать сказочное богатство нашей земли и усажающее горе народа, находившееся под гнетом английских колонизаторов. Я хотел также сказать, что народ бесмертен и он рождает героев.

Потом, возвращнувшись от картины, он произнес с возмущением:

— Я хотел, — сказал Ади Бос, — в этой картине показать сказочное богатство нашей земли и усажающее горе народа, находившееся под гнетом английских колонизаторов. Я хотел также сказать, что народ бесмертен и он рождает героев.

Потом, возвращнувшись от картины, он произнес с возмущением:

— Я хотел, — сказал Ади Бос, — в этой картине показать сказочное богатство нашей земли и усажающее горе народа, находившееся под гнетом английских колонизаторов. Я хотел также сказать, что народ бесмертен и он рождает героев.

Потом, возвращнувшись от картины, он произнес с возмущением:

— Я хотел, — сказал Ади Бос, — в этой картине показать сказочное богатство нашей земли и усажающее горе народа, находившееся под гнетом английских колонизаторов. Я хотел также сказать, что народ бесмертен и он рождает героев.

Потом, возвращнувшись от картины, он произнес с возмущением:

— Я хотел, — сказал Ади Бос, — в этой картине показать сказочное богатство нашей земли и усажающее горе народа, находившееся под гнетом английских колонизаторов. Я хотел также сказать, что народ бесмертен и он рождает героев.

Потом, возвращнувшись от картины, он произнес с возмущением:

— Я хотел, — сказал Ади Бос, — в этой картине показать сказочное богатство нашей земли и усажающее горе народа, находившееся под гнетом английских колонизаторов. Я хотел также сказать, что народ бесмертен и он рождает героев.

Потом, возвращнувшись от картины, он произнес с возмущением:

— Я хотел, — сказал Ади Бос, — в этой картине показать сказочное богатство нашей земли и усажающее горе народа, находившееся под гнетом английских колонизаторов. Я хотел также сказать, что народ бесмертен и он рождает героев.

Потом, возвращнувшись от картины, он произнес с возмущением:

— Я хотел, — сказал Ади Бос, — в этой картине показать сказочное богатство нашей земли и усажающее горе народа, находившееся под гнетом английских колонизаторов. Я хотел также сказать, что народ бесмертен и он рождает героев.